

- Так что не ждите, что флот прибудет в ближайшее время", - заключил он. - И я был бы удивлен, если бы кто-нибудь из сената сделал серьезные предложения Коалиции по расширению. Может быть, какие-то амбициозные осалланцы послали сообщения сенатору, но вы не хуже меня знаете, насколько бесполезен сенат на самом деле. Они не принимают никаких решений о том, куда идет Империя или какие планы строит император. Но здесь все по-другому. Местное правительство все еще контролирует эту планету и эту систему. У тебя действительно есть шанс сделать здесь что-то хорошее. Ты должна рискнуть. Я хочу, чтобы ты."

Он подумал, что это была довольно хорошая речь, учитывая все обстоятельства. Он мог бы стать приличным политиком, если бы только каждый аргумент можно было привести одному конкретному коллеге, обнимая ее в постели.

- Я не думаю, что ты так уверен в нашей безопасности, как говоришь, - сказала Падме, расслабляясь рядом с ним. "Я могу сказать. Ты притворяешься. Мне не нравится, когда ты притворяешься для меня."

- А я нет."

- Так и есть. Ты боишься. Ты шутишь и дразнишь, но боишься так же, как и я. Боится, что жизнь, которую мы построили, может рухнуть, если мы сделаем что-то не так. Или даже если мы поступаем правильно."

Нет, подумал он. Она ошибалась. Он не боялся. Наполненный постоянным неотвратимым страхом, да, но не страхом. Бояться-значит быть неуверенным. Он любил эту жизнь, но конец приближался, и он знал это. Об этом ему говорили его ночные кошмары. Она хотела бежать из Империи, если дело дойдет до Осаллао, но он знал, что их дни бегства закончились. Это всегда была ее идея убежать от всего этого, и он пошел с ней, сделал то, что она просила, но она не могла понять, что он знал. Это их догонит. Он придет за ними. Для него. Если он не поймает их на Осаллао, то сделает это где-нибудь в другом месте. И теперь это был их дом, так что с таким же успехом они могли бы быть здесь, где они окопались и заняли позицию. Все, на что он мог надеяться, - это то, что, когда это произойдет, близнецы будут готовы к темноте, которую навлек на них их отец.

Все, что он мог делать в это время, - это притворяться. Представь, что он был тем же самым человеком, который влюбился в Падме еще мальчиком, до того, как наступила тьма, и женился на ней, как молодой дурак, до того, как тьма взяла верх. Все, что он мог сделать, - это притворяться так усердно, чтобы сделать это реальностью: жить в настоящем, дышать светом и смехом их маленькой семьи и верить, что это может длиться вечно. Верить, что какое бы зло ни посетило их, они смогут вынести.

- Все будет хорошо, - прошептал он ей, когда она лежала в его объятиях, и попытался поверить в это так полно, как хотел.

Он чувствовал, как бьется ее сердце, как ровно поднимается и опускается ее дыхание. Он

чувствовал тепло ее мягкой плоти сквозь их одежду, но также и каждую хрупкую косточку, которая тянулась к нему, едва удерживая ее вместе. Сколько тел он видел разваливающимися на части? Сколько существ и дроидов, чьи кости из хрупкого костного мозга или дюрестила превратились в груды металлолома? (Кучи, которые смешались вместе и сгорели в неразличимый пепел). Только дроидов можно снова собрать вместе... Дроидов и Дарта Вейдера. Его снова собрали вместе, но был ли он все еще мужчиной в конце? Он не знал. Он не помнил. Он не хотел этого делать.

Он погладил маленькую головку Падме одной рукой, зарываясь пальцами в ее кудри. Но он едва мог чувствовать мягкость ее волос, потому что это была механическая рука, рука дроида, часть его, которая все еще была машиной.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1451044>